

Роберт Сальваторе

Темное зеркало

Forgotten Realms –

Восход. Рождение нового дня. Пробуждение наземного мира, наполненного надеждами и мечтами миллиона сердец. Но полного также, как довелось мне узнать, безнадежных трудов столь многих иных.

В темном мире моего наследия не существует рассвета, и ничто в лишенном света Подземье не может сравниться с красотой солнца, медленно поднимающегося над краем восточного горизонта. Там нет дня, нет ночи, нет времен года.

Несомненно, в постоянном тепле и постоянной темноте душа что-то теряет. Несомненно, в вечной мгле Подземья невозможно испытать высокую надежду — пусть она и не имеет причин, но кажется столь достижимой в тот волшебный момент, когда горизонт серебрится с приближением утреннего солнца. Когда темнота неизменна, мрачное ощущение сумерек вскоре пропадает, волнующие ночные тайны наземного мира уступают место настоящим врагам и реальным опасностям Подземья.

Время года в Подземье так же неизменно. На поверхности земли зима возвещает время раздумья, время мыслей о смертности, о тех, кто ушел от нас. Но это всего лишь одно из времен года, и уныние не задерживается надолго. Я видел, как весной оживают животные, наблюдал, как просыпаются медведи, а рыбы пробивают путь к своим местам нереста сквозь быстрые течения. Я видел, как птицы играют в воздухе, как впервые свободно скачет новорожденный жеребенок...

Животные Подземья не танцуют.

Циклы наземного мира более изменчивы. Здесь нет одного постоянного настроения, ни мрачного, ни безудержно радостного. Эмоциональные высоты, которых можно достичь с рассветом, сменяются снижением по мере того, как огненный шар опускается на западе. Это лучший путь. Пусть страхи останутся для ночи, а день будет исполнен солнца и надежды. Пусть гнев успокоят зимние снега, чтоб забыть о нем в тепле весны.

В неизменном Подземье же гнев вынашивается до тех пор, пока жажда возмездия не будет утолена.

Это постоянство влияет и на религию, которая властвует над моими сородичами, темными эльфами. Жрицы правят моим родным городом, и все склоняются перед волей жестокой Лолт, Паучьей Королевы. Впрочем, религия дроу — лишь способ получения практической выгоды и достижения власти, и, несмотря на все свои церемонии и ритуалы, мой народ духовно мертв. Ведь духовность — это смешение чувств, контраст дня и ночи, которого эльфы-дроу никогда не познают. Это падение к отчаянью и восхождение к высочайшим пикам.

Вершины кажутся выше, когда поднимаются из глубин.

* * *

Я не мог подобрать дня лучше, чтобы выбраться из Митрил Халла, где мой друг Бренор Боевой Молот некогда был королем. Два века родина дварфа была в руках злобных серых дварфов, дуэргаров, и их могущественного предводителя, дракона теней по имени Мерцающий Мрак. Теперь дракон был мертв, сраженный самим Бренором, и серые дварфы выметены прочь.

В горах вокруг дварфской цитадели лежал глубокий снег, но синева предрассветного неба была бездонна и чиста, и последние звезды упрямо догорали до конца, до тех пор, пока ночь не уступит свою власть над землей. Я удачно рассчитал время, чтоб занять место на

обращенном к востоку плоском камне, очищенном ветром от снега, за мгновения до того ежедневного события, которое я надеюсь не пропустить ни разу

Я не могу описать трепет и замирание сердца в моей груди в последний момент перед тем, как желтая кромка фаэрунского солнца пересекла сияющую линию горизонта. Я скитался по надземному миру почти два десятилетия, но не устал — и не устану — от созерцания рассвета. Для меня он стал полной противоположностью бед, пережитых мной в Подземье, символом побега из лишнего света мира, прочь от темных путей моего народа. Даже когда рассвет заканчивается, когда солнце полностью поднялось и быстро взбирается по восточному небосклону, я чувствую его тепло, пронизывающее мою черную кожу и дарящее мне энергию, которой я и не ведал в глубинах земли.

То был зимний день в южнейших отрогах гор Хребта Мира. Я вышел из Митрил Халла всего несколько часов назад, передо мной лежал стомильный путь в Сильверимун — один из самых удивительных городов на свете. Меня огорчало то, что я покинул Бренора и остальных, когда в шахтах оставалось еще так много работы. Мы отвоевали город в ту зиму, очистив его от дуэргарского сброда и других чудовищ, которые бродили там в два века отсутствия клана Боевого Молота. И дым дварфских горнов уже вздымался в воздух над горами, а дварфские молоты звенели, неустанно отковывая драгоценный митрил.

У Бренора появилось много работы, в особенности с помолвкой его приемной дочери Кэтти-бри и варвара Вульфгара. Бренор был счастлив, как никогда, но, как и многие из тех, кого я знаю, дварф не мог просто наслаждаться этим счастьем, с головой погрузившись в суматошную подготовку свадьбы и упрямо желая, чтоб эта церемония стала самой лучшей из всех когда-либо виданных на севере.

Я не указывал Бренору, что так он теряет часть радости. Я не видел в этом цели, и, впрочем, непомерный объем работ умерял мое желание покинуть залы.

Но нелегко проигнорировать приглашения от Аластриэль, великолепной владычицы Сильверимуна, особенно дроу-отступнику, решившемуся найти прием среди людей, страшащихся его народа.

Мои шаги были легки. Я хотел пересечь реку Сарбрин и оставить позади высочайшие горы. И там-то, на речном берегу, во второй половине дня я обнаружил следы. Смешанная группа, числом примерно в два десятка, прошла здесь, и не очень давно. Крупнейшие следы принадлежали ограм. Эти создания нередки и часто встречаются в здешних местах, но куда больше меня беспокоили небольшие отпечатки обуви. По их размеру и форме я понял, что эти следы оставили люди, и некоторые из них походили на детские. Что было еще тревожнее, некоторые отпечатки обуви были частично перекрыты следами монстров, а другие, напротив, перекрывали их. Все они были сделаны примерно в одно время. Кто же тогда был пленником, а кто — пленившим?

Проследить их путь было не сложно. Мои страхи лишь возросли, когда я заметил несколько алых следов на тропе. Впрочем, меня немного успокаивало мое снаряжение. Кэтти-бри одолжила мне Тулмарил Искатель Сердец для этого первого путешествия в Сильверимун. С могучим зачарованным луком в руке я продолжал путь, уверенный, что смогу справиться с любыми опасностями, попадись они на моем пути

Я ступал осторожно, стараясь держаться теней, сколь это было возможно, и тщательно скрывая лицо капюшоном своего плаща цвета зеленой листвы. Но при том я знал, что нагоняю их, что банда, придерживавшаяся берега реки, не могла быть более чем в часе ходьбы от меня. Пришло время призвать моего самого преданного союзника.

Я достал из мешочка на поясе фигурку пантеры, связывавшую меня с Гвенвивар, и положил ее на землю. Мой зов был негромким, но этого и не требовалось — Гвенвивар уверенно распознала мой голос. Появился расплывчатый серый дымок, а мгновением позже его место заняла черная пантера, шестьсот фунтов боевого совершенства

— Возможно, нам придется кого-то освобождать, — сказал я, показывая Гвенвивар глубоко вдавленные следы. Как всегда, тихое понимающее рычание Гвенвивар вселило в меня уверенность, и вместе мы пошли по следу, надеясь найти врага до того, как наступит

ночь.

Я заметил неожиданное движение по ту сторону широкого потока Сарбрин и, пригнувшись, укрылся за валуном, натянув готовый к выстрелу Тулмарил. Гвенвивар проявила такую же реакцию, спрятавшись за камнем у реки и напряженно вжимая в землю задние лапы. Я знал, что Гвенвивар может с легкостью совершить тридцатифутовый прыжок на другой берег, но мне бы пришлось пересекать реку дольше, и я опасался, что не смогу предоставить пантере достаточную поддержку с этого берега.

Шум в том направлении говорил о том, что нас тоже заметили, это подтвердилось мгновением позже, когда стрела рассекла воздух над моей головой. Я подумал, не ответить ли тем же. Стрелок прятался за камнем, но я знал, что с Тулмарилом я наверняка мог пробить стрелой это ненадежное прикрытие.

Тем не менее, я не стал стрелять и приказал Гвенвивар оставаться на месте. Если это была та банда, которую я выслеживал, то почему же за первой стрелой не просвистели другие? Почему глупые гоблины не принялись, как обычно, выкрикивать свои боевые кличи?

— Я не враг! — крикнул я, зная, что мое местоположение уже известно.

Ответ заставил меня чуть ослабить тетиву.

— Если ты не враг, то кем ты можешь быть?

Это поставило меня в затруднительное положение, которое ведомо лишь темному эльфу в наземном мире. Конечно, я не был врагом этим фермерам, которые, как я предполагал, отправились в погоню за бандой налетчиков. Мы, не зная того, шли к одной цели, но что могут подумать эти простые люди, когда перед ними возникнет дроу?

— Я Дризт До'Урден, следопыт и друг Бренора Боевого Молота, короля Митрил Халла! — воскликнул я. Капюшон упал с моей головы, и я вышел на свет, желая, чтоб эта типично напряженная первая встреча скорее подошла к концу.

— Мерзкий дроу! — услышал я вскрик одного из мужчин, но другой человек, постарше, примерно пятидесяти лет, приказал ему и остальным не стрелять.

— Мы охотимся за бандой орков и огров, — объяснил пожилой человек. Позже я узнал, что его имя было Тармен.

— Тогда вы не на той стороне реки, — ответил я. — Следы здесь, тянутся вдоль берега. Сомневаюсь, если они ушли далеко отсюда. Вы можете перебраться сюда?

Тармен быстро посоветовался со своими товарищами — всего их было пятеро — и дал мне знак ждать на том же месте. Я совсем недавно минул замерзшую и усеянную крупными камнями часть реки, и фермеров пришлось дожидаться всего несколько минут. Они были оборваны и плохо вооружены — простые селяне и вряд ли опасные противники для тех безжалостных орков и огров, что прошли этим путем. Тармен единственный в группе повидал более тридцати зим. Двое фермеров выглядели так, словно им еще не исполнилось двадцати, и у одного из них не было даже щетины, которой были покрыты обветренные лица остальных.

— Слезы Илматера! — закричал один из фермеров в изумлении, когда группа приблизилась. Если вида темного эльфа было недостаточно, чтоб выбить их из колеи, то присутствие Гвенвивар сделало это.

Выкрик заставил Гвенвивар вздрогнуть. Пантера, должно быть, приняла обращение к Богу Страдания за некоего рода угрозу, так как прижала уши и показала пугающего вида клыки.

Парень едва не упал в обморок, а его товарищ машинально потянулся за стрелой.

— Гвенвивар — друг, — объяснил я. — Как и я.

Тармен поглядел на крепкого мужчину, на вид вдвое моложе его и вооруженного молотом, который лучше смотрелся бы в кузнице, чем в боевом отряде. Молодой быстро и грубо сбросил руку беспокойного стрелка с лука. Я мог бы уже догадаться, что этот верзила был предводителем группы, возможно, тем, кто первым подбил остальных отправляться в погоню в леса.

Хотя они, видимо, приняли мои заверения в дружелюбии, напряжение ушло далеко не полностью. Я ощущал страх и тревогу, исходящие от этих людей, включая и Тармена. Было заметно, что молодые фермеры крепче сжали в руках свое оружие. Они бы не пошли против меня, я знал — благодаря зловещей репутации моего народа. Немногим хотелось бы вступить в бой с темными эльфами. И даже если бы я не был необычным для них дроу, фермеры не стали бы нападать на того, за чьей спиной крадется могучая пантера. Они знали, что шансы не в их пользу, и знали, что вместе с тем им нужен союзник — любой союзник, который мог бы помочь в их деле.

Пять человек, все — фермеры, плохо вооруженные, плохо защищенные. Девять Адов, на что они надеялись против банды из двадцати монстров, включая огров? Все же мне пришлось отдать должное их храбрости, и я не мог счесть их глупцами. Я знал, что налетчики забрали с собой пленников. Если эти несчастные были родней этих людей, возможно, их детьми, тогда их безрассудство несомненно было оправдано, а их действия заслуживали восхищения.

Тармен сделал шаг вперед, протягивая черную от вьезшейся в нее земли ладонь. Должен признаться, меня тронуло это нервное, но искреннее и теплое приветствие. Столь часто меня встречали угрозами и обнаженным оружием!

— Я слышал о тебе, — проговорил он.

— Тогда вы имеете преимущество, — вежливо ответил я, пожимая его руку.

Крепкий мужчина за его спиной гневно сузил глаза. Я удивился, что мое беззлобное замечание определенно задело его гордость. Возможно, он считал себя прославленным воином?

Тармен представился, и лидер немедленно бросился вперед, чтобы сделать то же самое.

— Я Рико, — провозгласил он, как показалось мне, с вызовом. — Рико Пенгаллен из деревни Пенгаллен, которая в пятнадцати милях на юго-востоке. — Легко различимая гордость в его голосе заставила Тармена вздрогнуть и поселила во мне тревожное предчувствие, что этот Рико может доставить неприятности, когда мы сойдемся с монстрами.

Я слышал о Пенгаллене, хотя отмечал его присутствие лишь по вечерним огням в отдалении. Согласно картам Бренора, деревня была не более чем горсткой фермерских домов. Не было никаких надежд на помощь какого-либо организованного ополчения.

— На нас напали прошлой ночью, сразу после заката, — продолжал Рико, грубо отталкивая локтем в сторону старика. — Орки и огры, как мы уже говорили. Они угнали нескольких пленников...

— Моих жену и сына, — вставил Тармен, голос его был полон тревоги за семью.

— И моего брата тоже, — сказал другой.

Я провел некоторое время, обдумывая эти мрачные известия и пытаюсь найти слова утешения, которые я мог предложить этим отчаявшимся людям. Я не хотел селить в них лишние надежды — не сейчас, когда огры и орки удерживают в плену их близких, а чаша весов столь явно склоняется не в нашу сторону.

— Мы отстаем от них менее, чем на час, — сообщил я. — Я надеялся обнаружить их до заката. С Гвенвивар я могу выследить их днем или ночью.

— Мы готовы сражаться, — заявил Рико. Должно быть, ему не понравилось выражение моего лица — возможно, оно помимо моего умысла стало снисходительным — так как он хлопнул молотом по раскрытой ладони и сердито рыкнул, обнажив зубы.

— Давайте надеяться, что до битвы не дойдет, — сказал я. — У меня есть кое-какой опыт в отношении орков и огров. Ни те, ни другие не сведущи достаточно, чтоб выставять охрану.

— Ты предлагаешь попросту прокрасться внутрь и освободить наших родичей?

Едва сдерживаемый гнев Рико продолжал удивлять меня, но, когда я обернулся к Тармену за каким-либо молчаливым пояснением, он лишь спрятал руки в складках поношенного дорожного плаща и отвел взгляд.

— Мы сделаем все, что потребуется, чтобы освободить пленников, — сказал я.

— И сделать так, чтоб монстры не вернулись в Пенгаллен, — добавил Рико.

— Ими можно заняться позже, — ответил я, пытаясь убедить его сперва решить одну проблему. Одно слово Бренору, и этот регион очистят десятки dwarфов — упорных, воинственных бойцов, которые не прекратят охоту, пока угроза не будет устранена.

Рико повернулся к четырем своим товарищам, или, что будет точнее, отвернулся от меня.

— Полагаю, мы пойдем за чертовым дроу, — сказал он.

Я не обиделся. Мне приходилось испытывать обращение и похуже подобных оскорблений, и эта группа отчаявшихся людей, за исключением Рико, казалось, радовалась, что нашла хоть какого-то союзника, вне зависимости от цвета его кожи.

Найти вражеский лагерь оказалось несложно. Мы обнаружили его на нашей стороне реки, когда на землю опустились сумерки. К нашей удаче — точнее, по собственной глупости, — монстры развели яркий огонь, чтобы защититься от холода зимней ночи.

Свет костра дал мне рассмотреть планировку лагеря. Палаток не было — лишь костер и несколько беспорядочно расположенных бревен, подпертых камнями так, что получились скамьи. Довольно ровная земля была покрыта гладкой речной галькой и усеяна валунами, кое-где попадалось дерево или куст. Свиномордые орки-часовые расположились севернее и южнее огня, сжимая в грязных руках грубое, но зловеще выглядящее оружие. Я пришел к выводу, что такой же караул выставлен на западе, вдали от реки. Пленники, на вид почти невредимые, сбились вместе за костром, спинами к большому камню. Их было четверо, не трое: два мальчика и жена фермера, а вместе с ними на удивление хорошо одетый гоблин. В тот момент я не стал размышлять над этим неожиданным прибавлением. Я был более сосредоточен на том, чтобы найти путь внутрь и вновь наружу.

— Река, — наконец прошептал я. — Гвенвивар и я можем перебраться через нее незамеченными. Мы сможем лучше изучить лагерь с той стороны.

Рико думал так же — за исключением одного.

— Вы нападете с востока, из-за реки, а мы хорошенько вдарим по ним с этого фланга.

Его хмурые глаза расширились, когда я покачал головой. Этот Рико, похоже, был не в состоянии осмыслить, что я собирался освободить пленников без боя.

— Я подберусь к ним со стороны реки, а Гвенвивар пойдет за мной, — попытался объяснить я. — Но только после того, как костер догорит.

— Нужно пойти на них, пока еще светло, — заспорил Рико, — Мы не такие, как ты, дроу, — издевательски сплюнул он слово, — мы не можем видеть в темноте.

— Но я могу, — довольно резко возразил я. Рико начинал более, чем слегка раздражать меня. — Я могу пробраться внутрь, освободить пленников и ударить по часовым сзади, надеюсь, не потревожив при этом их товарищей. Если все пойдет гладко, мы будем далеко отсюда еще до того, как монстры поймут, что их пленники сбежали.

Тармен и другие трое закивали в знак согласия с этим простым планом, но Рико заупрямился.

— А если не пойдет гладко?

— Мы с Гвенвивар наверняка достаточно смутим и задержим монстров, чтоб вы со своими родственниками успели уйти. Мне не верится, что монстры сделают хотя бы попытку преследовать вас, если подумают, что их пленников выкрали темные эльфы.

Я вновь увидел, как кивают Тармен и другие, и, когда Рико попытался найти новый аргумент, старик твердо опустил руку на его массивное плечо. Рико страхнул ее, пожав плечами, но больше ничего не сказал. Я не почувствовал себя уютнее ни от его молчания, ни от вида его щетинистого лица, на котором застыла глубокая ненависть.

Пересечь полузамерзшую речку оказалось довольно легко. Гвенвивар попросту перепрыгнула ее. Я последовал за ней, осторожно выбирая, где ступать на лед. Я не хотел полностью полагаться на столь хрупкий мост, поэтому выбрал тот путь к противоположному берегу, на котором были самые крупные камни.

Новый вид на вражеский лагерь открыл кое-какие возможные проблемы — точнее, это были гигантские огры, вдвое выше меня ростом. Пляшущее пламя отбрасывало на их кожу серые и черные тени, на лицах заметно темнели бородавки, а длинные, спутанные волосы отсвечивали иссиня-черным. Их было по меньшей мере двое. Они сидели на корточках среди беспорядочно расположенных валунов к северу от пленников. Сами же пленники сидели лицами к реке — ко мне — спинами к большому камню, и теперь я видел еще одного сторожащего их орка, прислонившегося к тому же самому камню с северной стороны. Обнаженный меч лежал поперек его колен. Я часто был свидетелем зверино грубой тактики орков и сделал вывод, что этому охраннику было приказано перебить пленников, если появится какая-либо угроза. От этого орка исходила наибольшая опасность. Его горло будет первым, которое я перережу этой ночью.

Все, что оставалось, это тихо сидеть и ждать, пока огонь не угаснет, ждать, когда лагерь не оцепенеет от сонливости и скуки.

Едва ли через полчаса до меня начали доноситься сердитые перешептывания с того берега — но не из лагеря врага. Я не мог поверить тому, что услышал: Рико спорил с остальными! К счастью, двое орков-стражей, ближайших к тому месту, где прятались люди, не отреагировали немедленно. Я мог лишь надеяться, что их уши, не настолько остро слышащие, как мои, не уловили тихий звук.

Прошло несколько мгновений, и, благодарение небесам, голоса вновь умолкли. Я не позволил себе расслабиться. Инстинкты говорили мне, что вскоре должно произойти то, что переломит ход вещей, и низкий рык Гвенвивар усилил это чувство.

В тот решающий момент я не хотел верить, что Рико мог быть настолько глуп, но мои инстинкты и обостренные чувства воина одержали верх над отказывающими верить разумом. Я скинул Тулмарил с плеча, приготовил стрелу и стал высматривать наилучший путь, который даст мне быстро перебраться через воду.

Два орка, сторожившие южную сторону, начали нервничать и переговариваться меж собой на своем гортанном наречии. Я пристально следил за ними, но больше внимания уделял ближайшему к пленникам орку, а также не упускал из виду огров — куда более опасных врагов. В восемьсот фунтов весом, ростом в десять футов, огр не так уж легко и быстро поддастся моим саблям, хотя меткий выстрел из Тулмарила мог бы свалить одного из этих громил.

В целом же мой план основывался на том, как вывести пленников из лагеря, чтобы огры и не заметили этого — битва с этими грубыми тварями могла стоить мне времени. Времени, которым не располагали ни я, ни пленники.

И тут мой план рассыпался у меня на глазах.

Один из орков-часовых что-то завопил. Орк позади него выстрелил в кусты, скрывавшие фермеров. Как и следовало ожидать, охранник с мечом позади беспомощных пленников сразу же вскочил на ноги. Огры, сидевшие среди разбросанных камней, зашевелились, но они выглядели скорее заинтересованно, чем встревоженно. Я все еще надеялся, что положение можно спасти — пока не услышал призыв Рико к атаке.

В каждой битве есть время, когда воин должен отбросить мысли, дать инстинктам управлять своими движениями, полностью положиться на них и не расходовать драгоценное время. У меня был только один выстрел, чтобы остановить орка-мечника, прежде чем он убьет ближайшую пленницу — жену Тармена. Тварь уже занесла клинок, когда я выпустил стрелу, и скрытая в ней могущественная магия прочертила серебряный след над Сарбрином.

Я думаю, что попал ему в глаз, но, куда бы в действительности не ударила стрела, голова орка просто разлетелась на части. Чудовище отлетело назад, во тьму, и я начал перебираться через реку, тщательно подыскивая шаги, которые мог сделать, не привлекая внимания с противоположного берега.

Ближайшие к фермерам орки снова дали залп из луков, затем вытащили оружие для ближнего боя. И, хотя я не отвлекался, чтобы посмотреть на них, я знал, что Рико ведет атаку. Три орка с северной стороны заорали и стали оглядывать реку, пытаясь узнать, кто

убил их товарища. Я чувствовал себя так уязвимо, шагая в полной пустоте, двигаясь медленно и осторожно подбирая каждое движение... Эти страхи обрели плоть — орки почти в тот же момент заметили меня. Я увидел, как их луки поднялись для выстрела.

Возможно, они не могли четко разглядеть меня, или, может быть, их цель просто не была так хороша, как моя. Какова бы ни была причина, поспешно выпущенные стрелы разлетелись далеко от меня. Я приостановился и вернул им два выстрела; один достиг цели и с невероятной силой отшвырнул среднего орка назад. Я услышал, как стрела просвистела у моего уха, всего в нескольких дюймах от меня. Думаю, что Гвенвивар, прыжками следовавшая за мной, поймала следующую стрелу, так как я не услышал и, благодарение богам, не почувствовал ее.

Гвенвивар приземлилась на берег впереди меня и оттолкнулась от земли, лоснящиеся мышцы напряглись в изящном повороте. Сотни раз я видел, как Гвенвивар совершает подобные маневры, но и в этот раз у меня захватило дух. Пантера летела прямо на запад, но, как только ее лапы коснулись земли, без единого лишнего шага вперед она совершила великолепный пируэт, повернувшись к северу и обрушившись на лучников, прежде чем они успели достать очередные стрелы из колчанов.

К своему облегчению, я услышал звуки битвы с юга, где Рико и остальные схватились с орками. Они разворошили это осиное гнездо. По крайней мере они собирались принять участие в его успокоении.

Я увидел, как поднимаются огры — их было четверо, не двое, — и выпустил еще одну стрелу. Она попала первому из чудовищ в грудь, пробив грязные шкуры, в которые был одет гигант, и погрузившись в плоть по серебряное оперение. К моему изумлению и ужасу вонючая тварь прошла еще несколько шагов. Потом она повалилась на колени, оглушенная, но не мертвая. Сползая на землю, огр выглядел изумленным, словно не понимал, что же остановило его атаку.

У меня оставалось время для еще одного выстрела до того, как я достиг бы берега, и я отчаянно хотел убить другого огра. Но тут вблизи пленников появился орк, и жестокое намерение его было очевидно — он уже занес свой меч над головами детей.

Орк стоял боком ко мне. Я выстрелил ему в плечо, и стрела пронзила его насквозь, выйдя из другого плеча. Орк был еще жив, когда рухнул наземь, беспомощный и не способный двинуть ни одной рукой.

Сейчас это кажется странным, но я помню, что, когда наконец добрался до противоположного берега, бросил лук и обнажил сабли, я сильно забеспокоился, что могу потерять Тулмарил. Я даже подумал о том, как будет ругать меня Кэтти-бри, когда я вернусь в Митрил Халл без ее драгоценного оружия! Эти образы быстро улетучились, и я оставил их до тех пор, пока битва не будет закончена.

Мерцающий, клинок в моей правой руке, яростно вспыхнул синим светом, точно отражая огонь внутри меня. Другая сабля светилась голубовато-белым сиянием, свидетельствуя о холоде зимы — этот клинок сиял лишь тогда, когда его окружал очень холодный воздух.

Трое оставшихся огров понеслись на меня, не обращая внимания друг на друга — каждая битва со столь сильными, но глупыми чудовищами становится для меня напоминанием о том, насколько могучей силой они бы могли быть, если бы смогли превозмочь свою врожденную хаотичность.

Эта атака была их ошибкой. Бегущий впереди огр был слишком далеко от своих товарищей, и я приблизился к нему быстрее, чем рассчитывало чудовище. Мерцающий врезался в его коленную чашечку, второй клинок нанес глубокую рану в бедро, и я проскользнул меж огромных ножищ, перекувырнувшись головой вперед. Огр резко попытался остановиться — слишком резко — и, заскользив, прекратил свой путь на гладких, отполированных камнях.

Он осел наземь, как раз когда я поднялся на ноги позади него. Немногие могут похвастаться, что им выпала возможность для такого чистого удара по голове огра, и я

использовал эту возможность сполна, тяжело ударив Мерцающим по черепу чудовища и разрубив его ухо на две почти равные части.

Удар не убил, а лишь оглушил громадину. Прежде чем огр успел оправиться, я вскочил ему на плечо и, оттолкнувшись от него, прыгнул, оказавшись прямо перед лицом следующего огра. Этот маневр застал его врасплох — его грозная дубина была опущена для защиты снизу, и он бы просто не успел поднять тяжелое оружие, чтобы блокировать мои клинки.

Мерцающий вскользь ударил по толстой шее огра, в то время как другой клинок впился ему в щеку, срывая кожу, так что черные зубы чудовища блеснули под звездным светом. Ни одна из ран, впрочем, не была смертельной, и я подумал, что попал в серьезное положение, когда монстр завел свою свободную ручищу мне за спину и тесно прижал меня к своей могучей груди. К счастью, моя правая рука находилась под таким углом, что мне удалось вытащить Мерцающий и направить в цель острие сабли. Я вогнал ее со всей силы, зная, что должен убить быстро ради себя и ради беспомощных пленников.

Магический клинок легко прошел сквозь плоть огра, срезая ребро, которое, должно быть, было толщиной с приличный ствол дерева, и проник глубже. Я ощутил пульс, когда Мерцающий добрался до сердца огра, мощный удар которого едва не вырвал рукоять оружия из моей хватки.

Мне нужно было убить быстро, и я это сделал. Огр испустил вздох, и мы оба повалились на землю. Я мгновенно отскочил в сторону и удар дубины умирающего огра, что предназначался мне, пришелся по его оставшемуся сородичу.

Впрочем, битва была далека от завершения. Последний стоящий на ногах огр пригнулся, готовый нападать. Что еще хуже, чудовище, которое я подстрелил, и то, чье ухо я рассек, не были мертвы. Оба упрямо пытались подняться и вернуться к битве.

Мне стало немного легче, когда рядом вновь появилась Гвенвивар и пронеслась между мной и моим последним противником. Я подумал было, что кошка собралась прикончить одного из раненых огров, но Гвенвивар пробежала мимо борющихся чудовищ и совершила прыжок над головами перепуганных, сбившихся в кучу пленников. Я понял, почему она это сделала, услышав звук спущенных тетив — явились орки-часовые с запада. Затем до меня донесся громоподобный рык, за которым вполне предсказуемо последовали вопли ужаса.

Потребовалось бы нечто большее, чем несколько орчьих стрел, чтобы остановить могучую Гвенвивар.

Глянув в сторону, я заметил, что гоблин-пленник успел вскочить и убежать, спасаясь в ночи. Я не обратил на него особого внимания, еще не зная, какой глубокий след этот гоблин оставит в моей жизни.

Все мысли о трусливых гоблинах исчезли из моей головы, как только невредимый огр начал теснить меня. Он сделал первый взмах — вернее, первые два или три. Я держал защиту, осторожно стараясь не открываться. Как я и ожидал, гнев огра возрастал с каждым промахом. Его атаки становились все более яростными, более открытыми для ответных ударов. Я четырежды ударил эту тварь, сделав болезненные — если не слишком серьезные — раны в его шкуре, когда увидел, что огр с рассеченным ухом поднимается с земли.

Мой противник бил дубиной все снова и снова, мне приходилось уворачиваться. Я атаковал, обрушив на него быстрый и яростный шквал жалающих ударов, заставив его попятиться, переступая гигантскими ножищами. Затем я повернулся и бросился к нетвердо стоящему на ногах огру. Монстр с трудом поднял свою огромную дубину — к нему еще не вернулось достаточно сил, чтобы удерживать оружие. Он взмахнул ей, но медленно и неуклюже, и я ушел от удара, просто отступив назад на шаг. Я последовал за завершающей движение дубиной, яростно замахиваясь обеими саблями. Не знаю, сколько кровавых линий они прочертили на морде этого огра. В одно мгновение все черты твари исчезли, смявшись в одну багровую массу.

Когда труп гиганта рухнул, я осмотрелся вокруг и приободрился, увидев, что огр со стрелой в груди уже не будет сражаться — да и делать что-то другое тоже. Он валялся лицом

вниз, настолько неподвижный, что я не стал сомневаться в его смерти.

Это значило, что остался только один, легко раненный. Я знал, что могу победить любого огра в поединке, что, если полностью сосредоточусь на битве, огр и близко не подойдет, чтобы нанести мне удар. Всегда готовый сражаться против этих мерзких существ, я ощутил мимолетное разочарование, когда я повернулся и понял, что огр сбежал и скрылся в ночи.

Впрочем, легкое сожаление исчезло, когда я вспомнил о пленниках. К моему облегчению, пятеро фермеров одолели орков на юге лагеря, и из всех ранен был только один, самый молодой. Рико самодовольно улыбался, и мне очень хотелось стереть эту ухмылку с лица хвастуна.

Немногим позже Гвенвивар, крадучись, вернулась в лагерь, проверив область на западе. У пантеры была пара небольших ран от орчьих стрел, но ничего серьезного. Битва закончилась, три огра и восемь орков были мертвы, а другой огр и с полдюжины орков спаслись бегством. Полная победа, и никто из нас не был убит.

Все же я не мог не признать, что в этой битве не было нужды. Впрочем, мысли о том, чтобы выбрать Рико, быстро улетучились из моей головы, когда я увидел, как приветствуют друг друга Тармен и его семья, а другой фермер снова встречает пропавшего брата.

— Где Нойхайм? — требовательно спросил Рико. Его грубый тон удивил меня. Если он потерял родича, ребенка или брата, я ожидал бы скорби. Но я не слышал скорби в его вопросе, только бездумный гнев, как если бы его оскорбили.

Фермеры смущенно переглянулись, и в конце концов все взгляды обратились на меня.

— Кто такой Нойхайм? — спросил я.

— Гоблин, — объяснил Тармен.

— Среди пленников был гоблин, — сказал я им. — Он сбежал во время сражения в сторону северо-запада.

— Тогда мы пойдем за ним, — без колебаний заявил Рико, нисколько не задумываясь об освобожденных людях. Я счел его слова абсурдными: разве мог одинокий гоблин стоять страданий этих мужчины, женщины и мальчика, которые прошли через такие испытания?

— Ночь продлится еще долго, — сказал я ему, и тон мой был далек от его собственного. — Разожгите огонь заново и позаботьтесь о раненом. Я пойду за беглецом.

— Я хочу вернуть его! — прорычал Рико. Должно быть, он правильно истолковал выражение моего лица, так как внезапно успокоился и попытался все объяснить.

— Нойхайм вел группу гоблинов, которые напали на Пенгаллен несколько недель назад. — сказал он и бросил взгляд на остальных. — Гоблин — лидер, и наверняка вернется с союзниками. Мы держали его для суда, когда явились другие налетчики.

У меня не было причины не верить словам Рико, кроме того, что мне казалось странным, что фермеры из маленькой деревни, столь часто осаждаемой монстрами из диких земель, пойдут на такие хлопоты, как судебный процесс в отношении какого-то гоблина. Нерешительность — или это было опасение? — на лицах других фермеров, особенно Тармена, также заставили меня помедлить, но я счел это страхом перед тем, что Нойхайм вернется с большими силами и опустошит их легко уязвимую деревню.

— Я не очень спешу в Сильверимун, — заверил их я. — Я поймаю Нойхайма и верну его в Пенгаллен следующим же утром, — я собрался было уходить, но Рико схватил меня за плечо и развернул к себе лицом.

— Живым, — прорычал он. Мне не понравилось, как это прозвучало. Я ничего не имел против справедливых и суровых мер, применяемых к гоблинам, но злобный тон Рико говорил о жажде мести. Все же у меня не было причин не верить этому фермеру, равно как и причин для спора о справедливости законов, принятых в Пенгаллене. Вскоре мы с Гвенвивар уже направлялись на северо-запад, отслеживая путь беглеца.

Преследование, против моих ожиданий, затянулось. Мы нашли следы нескольких сбежавших орков, пересекающие следы Нойхайма, и я счел более важным предотвратить их

возвращение в логово, где они могли бы найти подкрепление. Вскоре мы нашли орков, их оказалось трое. При помощи чудесного лука я прикончил этих тварей издали всего в три коротких выстрела.

Затем мы вернулись к следам Нойхайма и снова отправились в преследование во тьме ночи. Нойхайм оказался умным соперником, чем вполне оправдывал заявление Рико о том, что гоблин был лидером среди своих подлых сородичей. Он постоянно петлял и перебирался по раскидистым ветвям с дерева на дерево, спускаясь наземь в отдалении от первоначального пути и меняя направление. Наконец, он направился к реке, единственной преграде, которая могла остановить погоню.

Понадобилось все мое мастерство следопыта и помощь звериного чутья Гвенвивар, чтобы мы смогли подобраться к гоблину, прежде чем он оказался бы в безопасности по ту сторону реки. Со всей честностью я признался себе, что, не будь Нойхайм так измучен в плену у безжалостных налетчиков, он мог бы обвести вокруг пальца нас обоих.

Когда мы, наконец, достигли берега, я воспользовался своей врожденной, обычной для жителей Подземья, способностью видеть вещи по излучаемому ими теплу, а не по отражаемому ими свету. Вскоре я заметил теплое свечение — кто-то медленно перебирался по каменистому броду, тщательно подбирая каждый шаг. Не доверяя ограниченному инфразрению, разрывающему формы и представляющему детали как тепловые пятна, я поднял Тулмарил и выпустил светящуюся стрелу. Она скользнула по камню и ударилась о воду в нескольких футах перед гоблином, отчего он поскользнулся, и одна его нога по бедро ушла в ледяной поток. Подобная молнии вспышка серебряного света не оставила сомнений в том, что это был тот самый беглец. Я бросился к броду.

Гвенвивар пролетела мимо, обгоняя меня. Я был в полпути от цепочки камней, двигаясь так быстро, как мог, когда услышал рык пантеры из темноты впереди, а следом — вопль боли.

— Держать, Гвенвивар! — крикнул я, не желая, чтоб пантера растерзала его на куски.

Тощий, желтокожий Нойхайм лежал на земле, прижатый к ней огромными лапами, когда я добрался до них. Я приказал Гвенвивар отойти, и, едва пантера сдвинулась с места, Нойхайм подкатился ко мне и схватился за мой сапог длинными, тонкими, как веретено, руками, на которых еще были видны следы разорванных кожаных пут.

Я хотел было оглушить его рукоятью сабли, но, прежде чем я успел отреагировать, Нойхайм принялся осыпать слюнявыми поцелуями мои сапоги.

— Пожалуйста, мой добрый хозяин, — заныл он противным визгливым голосом, столь обычным среди гоблинов. — Пожалуйста, пожалуйста! Нойхайм не сбежит. Нойхайм боится, боится больших, уродливых огров с большими дубинами. Нойхайму страшно.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями. Затем я поднял гоблина на ноги и приказал ему молчать.

Стоя здесь, глядя вниз, на уродливое плоское лицо и скошенный лоб Нойхайма, его светящиеся желтые глаза и сплюснутый нос, я призывал всю свою выдержку, чтобы не применить оружие. Я — следопыт, защитник добрых народов от многочисленных злых рас Фаэруна, и среди этих злых рас гоблины — самые ненавистные мне враги.

— Пожалуйста, — жалобно повторил он.

Я медленно убрал оружие, и широкий рот Нойхайма растянулся в вымученной улыбке, демонстрируя множество маленьких, но острых зубов.

К тому времени уже светало, и я хотел немедленно отправляться в Пенгаллен, но Нойхайм почти замерз из-за падения в реку. По его неловкой походке было видно, что промокшая нога почти или полностью онемела.

Как я уже говорил, я не питаю любви к гоблинам и обычно не милосерден к ним. Если бы Нойхайм напал на мое собственное жилище, я выпустил бы вторую стрелу еще до того, как он достал бы свою ногу из реки, и покончил бы с этим делом. Но сейчас я был связан клятвой, которую дал фермерам, и потому развел огонь, чтобы гоблин смог отогреть онемевшую конечность.

То, как вел себя Нойхайм, когда я его поймал, продолжало занимать мой ум и возбуждать недоумение. Следующим утром, отпустив Гвенвивар отдыхать в Астральном плане, я попытался задать ему несколько вопросов, но гоблин ничего не отвечал. С покорным выражением лица он отводил от меня взгляд всякий раз, когда я обращался к нему. Пусть будет так, сказал я себе. Это не мое дело.

Глубоко за полдень мы прибыли в Пенгаллен — то была кучка домов числом примерно в дюжину, расположенная в середине ровного, очищенного от деревьев поля и окруженная высоким частоколом. Фермеры вернулись несколькими часами раньше, и Рико, видимо, предупредил двух часовых, что разместились у стены, о моем грядущем прибытии. Они не позволили мне войти сразу, хотя были далеки от негостеприимства, и я ждал. В считанные минуты появился Рико. Очевидно, он велел послать за ним, когда я появлюсь.

Выражение лица здоровяка изрядно изменилось по сравнению с той ночью. Его квадратная челюсть больше не была сведена гримасой, что показывало, как он рад повороту событий. Даже его широко расставленные голубые глаза, казалось, улыбались при виде меня и моего пленника, и все черты на его красном лице подтянулись вверх.

— Ты был щедр, предложив свою помощь, — сказал он мне, накидывая петлю на шею Нойхайма наподобие того, как в тесных деревнях привязывают собак. — Я знаю, что у тебя дела в Сильверимуне, так что прими мои заверения в том, что в Пенгаллене снова все спокойно.

Я ощутил ясное чувство, что меня попросту отсылают за ненужностью.

— Пожалуйста, поужинай в нашей таверне, — быстро добавил Рико, жестом приглашая меня пройти в открывшиеся ворота. — Поешь, выпей, — весело добавил он. Неужели мое смтение было так очевидно? — Скажешь хозяину, Аганису, что я заплачу.

Я намеревался доставить пленника и тут же отправиться в путь к Сильверимуну, взяв хороший старт. Я с нетерпением ждал, когда увижу чудесный город на реке Ровин, когда буду свободно, с благословением леди-правительницы, бродить по его прекрасным изгибающимся проспектам, навещая его многочисленные музеи и не имеющую себе равных библиотеку. Но мои инстинкты велели мне принять угощение. Что-то во всем этом деле шло не так.

Аганис, похожий на бочонок улыбчивый человек с густой бородой, был, разумеется, изумлен видом темного эльфа, вошедшего в его заведение — большое двухэтажное здание у середины деревенского частокола. Это место служило как таверна, торговый пост, и несло множество других функций. Как только он преодолел свои первые чувства — думаю, что единственно возможно описать его вид словами «объятый ужасом» — он принялся суетиться, стараясь угодить мне — по крайней мере, так я мог судить по порциям, которые он накладывал мне, куда большим, чем у фермера, сидевшего недалеко от конца стойки.

Я не стал высказываться по поводу этого явного подхалимства. Ночь была долгой, и я проголодался.

— Так ты Дриззит До'Урден? — спросил фермер с конца барной стойки. Это был пожилой человек с редкими седыми волосами и морщинистым лицом, которое повидало множество дней под солнцем.

Аганис побледнел от этого вопроса. Возможно, он думал, что я оскорблюсь и разнесу его заведение на куски.

— Дриззт, — поправил я, глядя на старика.

— Джек Тимберлайн, — представился он. Он протянул руку, затем убрал и вытер о рубашку, прежде чем снова предложить ее мне. — Я слышал о тебе, *Дриззт*, — произнес он имя с особой тщательностью, и, должен признаться, мне это польстило. — Говорят, ты следопыт.

Я твердо пожал его руку и широко улыбнулся.

— Я тебе прямо скажу, Дриззт, — и снова он напрягся на этом слове, — мне все равно, какого цвета кожа у парня. Я слышал о тебе, и слышал хорошие вещи о том, что ты и твои друзья сделали в Митрил Халле.

Его похвала была немного снисходительной, и бедняга Аганис вновь побледнел. Впрочем, я не обиделся, понимая, что неловкость Джака связана с его неискушенностью. Его приветствие было вполне тактичным по сравнению с множеством других, которыми меня встречали с тех пор, когда я явился в наземный мир, со встречами на длине обнаженного оружия.

— Хорошо, что дварфы вернули себе митриловые залы, — согласился я.

— И хорошо, что ты повстречался отряду Рико, — добавил Джак.

— Тармен так радовался утру, — нервно вставил хозяин таверны.

Все это казалось мне столь обычным — вы, наверное, понимаете, что в своих взаимоотношениях с народами наземного мира я привык ко всему, кроме таких вот простых разговоров.

— Ты вернул Рико его раба? — вдруг прямо спросил Джак.

Кусочек еды внезапно отказался пройти вниз по моему горлу.

— Нойхайма, — пояснил Джак. — Гоблина.

Я видел рабство во всей его жестокости в Мензоберранзане, где я родился. Темные эльфы держат многих рабов из множества рас, заставляя их работать, пока они не перестанут быть полезны, а затем безжалостно пытая и убивая их, калеча их тела так же, как искалечили дух. Я всегда чувствовал, что порабощение стоит среди самых отвратительных поступков, даже когда обращено против так называемых неисправимо злых рас, таких, как гоблины и орки.

Я кивнул Джаку в ответ, но гримаса, внезапно исказившая мое лицо, оттолкнула его. Аганис, нервничая, протер одну и ту же тарелку несколько раз, уставившись на меня и то и дело поднимая полотенце, чтоб вытереть вспотевший лоб.

Я закончил есть, не продолжая разговоров, разве что выяснил мимоходом, какой из фермерских домов принадлежит Рико. Мне не нужны были ответы этих двоих. Я хотел сам увидеть, что сделал.

К закату я был у изгороди, окружавшей двор Рико. Его дом был простым сооружением из досок и бревен с щелями, забитыми грязью от ветра и крышей, скошенной, чтоб удерживать зимние снега. Нойхайм ходил по двору, выполняя свои работы — как я заметил, на нем не было оков, — но больше никого не было видно. Я видел, как занавесь на единственном окне несколько раз сдвинулась. Рико или кто-то из его семьи наверняка приглядывал за гоблином.

Закончив уход за козой, привязанной недалеко от дома, Нойхайм посмотрел на темнеющее небо и ушел в небольшой амбар, немногим больше, чем сарай, располагавшийся в небольшом отдалении от дома. Через множество щелей в этом грубом сооружении я увидел свет огня, зажегшийся мгновением позже.

Что все это значило? Я ничего не мог понять. Если Нойхайм пришел в Пенгаллен во главе разбойничьей банды, то почему ему предоставили такую свободу? Он мог бы взять уголь из огня, который развел в сарае, и поджечь сам дом.

Я решил не задавать вопросов Рико — решил так потому, что в глубине души знал, что здесь происходит, что я не получу от него честного ответа.

Нойхайм снова бросился целовать мне сапоги, едва я вошел в тени скудно освещенного сарая.

— Пожалуйста, о, пожалуйста, — затянул он скрипучим голосом, шлепая толстым языком по губам.

Я оттолкнул его, и гнев мой, должно быть, был хорошо замечен, так как гoblin неожиданно замолк и сел у костра, уставившись в оранжево-желтое пламя.

— Почему ты не сказал мне?

Он бросил на меня странный взгляд. Лицо его выражало абсолютное смирение.

— Ты нападал на Пенгаллен? — надавил я.

Он снова уставился в огонь, и лицо его исказилось, давая понять, что этому вопросу не стоит даже давать оправдания ответом. И я поверил ему.

— Тогда почему? — спросил я, наклоняясь, чтобы взять его за плечо и заставить посмотреть себе в глаза. — Почему ты не сказал мне, зачем Рико хочет вернуть тебя?

— Сказать тебе? — Нойхайм уклонился. Его гоблинский акцент внезапно пропал. — Гоблин, говорящий Дриззту До'Урдону о своей беде? Гоблин, просящий сострадания у следопыта?

— Ты знаешь мое имя?

О боги, он даже правильно его произносил.

— Я слышал истории о Дриззте До'Урдоне, и о Бреноре Боевом Молоте и отвоевании Митрил Халла, — ответил он, и снова я поразился, как точны была его интонация и произношение. — Об этом часто говорят фермеры из нижних долин, все они надеются, что новый король dwarфов щедро распорядится своим огромным богатством.

Я сел в стороне от него. Он просто продолжал невидяще глядеть в пламя, опустив глаза. Не знаю, сколько времени минуло в тишине. Не знаю даже, о чем я тогда думал.

Нойхайм был проницателен. Он знал это.

— Я принимаю свою судьбу, — ответил он на мой невысказанный вопрос, хотя в его голосе было немного убеждения.

— Ты — не обычный гоблин.

Нойхайм плюнул в огонь.

— Я не знаю, гоблин ли я вообще, — проговорил он. Если бы в тот момент я ел, то наверняка бы в моем горле вновь встал ком.

— Я не похож ни на одного гоблина, которого когда-либо встречал, — пояснил он с безнадежным смешком. Я подумал, что его вечное смирение столь типично для беспомощного, безвыходного положения. — Даже моя мать... Она убила отца и мою младшую сестру. — Он насмешливо прищелкнул пальцами, чтобы усилить сарказм своих следующих слов. — По гоблинским меркам, они заслужили это: не поделились с ней ужином.

Нойхайм затих и покачал головой. Физически он вне всякого сомнения являлся гоблином, но по искренности его слов я уже мог сказать, что по духу он был очень далек от своих злобных сородичей. Эта мысль пробрала меня дрожью. За те годы, что я был следопытом, я никогда не подвергал сомнению, как должен вести себя с гоблинами, никогда не останавливал свои сабли на время, достаточное, чтоб определить, не отличается ли кто-то из них своим поведением от обычных, известных мне злых существ.

— Ты должен был сказать мне, что ты — раб, — снова проговорил я.

— Я не горжусь этим фактом.

— Почему ты сидишь здесь? — спросил я, хотя и так знал ответ. Я также был когда-то рабом, пленником жестоких живодеров разума, одних из самых злых обитателей Подземья. Нет более калечащей и смиряющей пытки, чем рабство. Однажды на своей родине я видел сотню орков, которую удерживали под полным контролем всего шесть солдат-дроу. Если бы они набрались храбрости, то вне всякого сомнения уничтожили бы своих охранников. Но даже если отвага — не первая вещь, которой лишают раба, то наверняка одна из первых.

— Ты не заслуживаешь такой судьбы, — сказал я более мягко.

— Что ты знаешь об этом? — возразил Нойхайм.

— Я знаю, что это неправильно, — ответил я. — Я знаю, что что-то должно быть сделано.

— А я знаю, что меня повесят, если я попытаюсь освободиться, — резко сказал он. — Я никогда не причинял вреда какому-нибудь человеку или даже вещи. И я не хочу никому навредить. Но мне выпала такая судьба.

— Мы не связаны принадлежностью к расе, — сказал я ему, найдя наконец слова убеждения в воспоминаниях о своем собственном долге пути из тьмы Мензоберранзана. — Ты говорил, что слышал рассказы обо мне. Разве они — то, чего можно ожидать от темного эльфа?

— Ты дроу, а не гоблин, — сказал он так, словно этот факт все объяснял.

— Твоими же словами, ты не более родственен гоблинам, чем я — темным эльфам, — напомнил я ему.

— Кто может сказать? — ответил он, пожав плечами, и этот беспомощный жест наполнил меня глубокой болью. — Мне сказать Рико, что я не гoblin душой и поступками, а просто жертва безжалостной судьбы? Ты думаешь, он поверит мне? Думаешь, что такой род понимания доступен этому простому фермеру?

— Ты боишься попытаться? — спросил я.

— Да!

Я поразился силе этих слов.

— Я не первый раб Рико, — проговорил он. — Он держал у себя гоблинов, орков, однажды даже багбира. Ему нравится принуждать других делать его собственную работу, понимаешь? Но много ли других рабов ты видел на дворе Рико, Дриззт До'Урден?

Он знал, что я не видел ни одного раба, и я не был удивлен его объяснением. Я почувствовал, что начинаю ненавидеть Рико Пенгаллена.

— Рико покончил с ними, — продолжал Нойхайм. — Они потеряли способность выживать. Они потеряли свою полезность. Ты заметил высокий столб с поперечиной за воротами?

Я содрогнулся, представив, для чего мог служить этот столб.

— Я жив, и я останусь живым, — объявил Нойхайм. В первый раз решительный гoblin позволил своей защите ослабеть, и мрачное выражение его лица выдало неистинность этих слов.

— Ты хотел бы, чтоб огры-налетчики убили тебя, — сказал я, и он не ответил.

Некоторое время мы сидели в тишине, тишине, которая тяжело давила на каждого из нас. Я знал, что не должен оставлять такую несправедливость безнаказанной, не могу повернуться спиной — пусть даже к гоблину — ни к кому, нуждающемуся в помощи. Я обдумал все пути, доступные мне, и пришел к выводу, что для настоящей победы над этой несправедливостью я должен использовать все влияние, какое смогу. Как большинство фермерских деревень в этом регионе, Пенгаллен не был независимым поселением. Люди здесь были под защитой и, следовательно, под надзором и законом крупных городов поблизости. Я мог обратиться к Аластриэли, правящей Сильверимуном, и Бренору Боевому Молоту, королю ближайших земель и моему лучшему другу.

— Возможно, однажды я найду в себе силы пойти против Рико, — неожиданно сказал Нойхайм, прервав мои раздумья. Я живо помню его следующие слова. — Я — не отважный гoblin. Я предпочитаю жить, хотя зачастую я сомневаюсь, что моя жизнь чего-то стоит.

Эти самые слова мог бы произнести и мой отец. Закнафейн тоже был рабом, хотя и рабом другого сорта. Он жил в Мензоберранзане, и не на низшем положении, хотя и ненавидел темных эльфов и пути их зла. Он не видел выхода, самой возможности побега из города дроу. Из-за недостатка смелости он жил, как воин-дроу, выживал, следуя тем самым порядкам, которые были для него столь отвратительны.

Я снова попытался напомнить Нойхайму, что я ушел от подобной судьбы, что мне удалось выйти из безнадежного положения. Объяснил, что странствовал среди людей, которые, несомненно, ненавидели и боялись меня из-за репутации моих сородичей.

— Ты — дроу, а не какой-то гoblin, — снова ответил он, и на этот раз я начал понимать смысл, стоящий за его словами. — Они никогда не поймут, что в моем сердце нет зла, как у других гоблинов. Даже я не понимаю этого!

— Но ты веришь в это, — твердо сказал я.

— Сказать им, что я — гoblin другого рода?

— Именно так! — воскликнул я. Мне казалось, что это достаточно разумно. Я думал, что нашел ответ, который искал.

Нойхайм прикрыл дверь и быстро объяснил мне кое-что обо мне и о мире вокруг, что я ранее не принял во внимание.

— Чем мы отличаемся? — надавил я, надеясь, что он увидит мое понимание истины.

— Ты считаешь себя гонимым? — спросил гоблин. Его желтые глаза сузились, и я понял, что он полагает свои слова близкими к истине.

— Я больше не принимаю это определение, так же, как и не допускаю гонений, — провозгласил я. Мои гордые слова внезапно достигли понимания этого несчастного. — Люди выносят свои собственные суждения, но я больше не мирюсь с их несправедливыми решениями.

— Ты будешь сражаться с теми, кто относится к тебе неправильно? — спросил Нойхайм.

— Я буду отвергать их, игнорировать их, зная в глубине души, что я прав в своей вере.

Улыбка Нойхайма выражала одновременно искреннюю радость за то, что я нашел свой путь, и глубокую печаль — за себя, как я начал понимать.

— Мы не в одинаковом положении, — настаивал он. Я начал возражать, но он остановил меня, подняв ладонь. — Ты — дроу, экзотика, нечто за пределами опыта большинства людей, которых ты встречал.

— Почти каждый в наземном мире слышал ужасные истории о дроу, — попытался возразить я.

— Но они не имели дела с самими эльфами-дроу! — резко возразил Нойхайм. — Ты для них — диковина, странно красивая даже по их собственным стандартам красоты. Твои черты правильны, Дризт До'Урден, твои глаза пронзительны. Даже твоя кожа, такая черная и блестящая, должна быть прекрасной для обитателей наземного мира. А я гоблин, уродливый гоблин — своим телом, если не душой.

— Если бы ты показал им правду о своей душе...

Нойхайм рассмеялся над моими словами.

— Показать им правду? Правду, которая поставит под вопрос все, что они знали в своей жизни? Стать темным зеркалом их совести? Эти люди, включая и Рико, убили много гоблинов — и, наверное, поделом, — быстро добавил он, и это пояснение открыло все, что Нойхайм пытался показать мне, слепцу.

Если эти фермеры, многие из которых часто бились с гоблинами, и другие, кто держал гоблинов в рабстве, обнаружат всего одно существо, не отвечающее их определениям злой расы, всего лишь гоблина, в котором есть совесть и сострадание, интеллект и дух, родственный их собственному, это может повергнуть все их существование в хаос. Я и сам почувствовал, будто меня ударили в лицо, когда понял настоящую причину поведения Нойхайма. Лишь благодаря собственному опыту, родству с темными эльфами, подавляющее большинство которых заслуживало свою мрачную репутацию, я смог преодолеть чувство смутения и вины.

Эти фермеры могли и не понять Нойхайма. Они наверняка прониклись бы к нему страхом и все большей ненавистью.

— Я не отважен, — снова проговорил Нойхайм, и, хотя я не был согласен, я предпочел удержать возражение в себе.

— Ты отправишься со мной, — сказал я ему. — Этой ночью. Мы пойдем обратно на запад, в Митрил Халл.

— Нет!

Я посмотрел на него, более уязвлен, нежели озадачен.

— Я не хочу, чтоб за мной снова охотились, — объяснил он, и из его отсутствующего, страдальческого взгляда я понял, что он вспоминает, как Рико преследовал его в первый раз.

Я не мог принудить Нойхайма подчиниться себе, но также и не мог допустить, чтоб эта несправедливость продолжалась. Должен ли я был открыто противостоять Рико? Это повлекло бы последствия, могущие быть гибельными. Я не знал, каким силам подчиняется Пенгаллен. Если деревня принадлежала городу, не известному своей снисходительностью, например, Несму, что на юго-западе, тогда любое действие, которое я бы совершил против ее жителей, создало бы проблему в отношениях этого города и Митрил Халла — я ведь был, фактически, послан Бренора Боевого Молота.

Так я покинул Нойхайма. Утром я подобрал себе хорошую лошадь и отправился единственным оставшимся мне путем. Я решил, что сперва поеду в Сильверимун, так как Аластриэль была среди самых уважаемых правителей этих земель. Затем, если понадобится, я обращусь к Бренору и его справедливости.

И тогда, на том же самом месте, я решил, что, если ни Аластриэль, ни Бренор не станут помогать Нойхайму, я возьму дело в свои руки — чего бы это ни стоило.

Три дня стремительной скачки, и я оказался в Сильверимуне. Меня неожиданно вежливо приняли у западных врат города, стражники приветствовали меня со всеми благословениями Леди Аластриэль. Я сказал им, что нуждаюсь во встрече с ней, и мне ответили, что владычица Сильверимуна уехала по делам в Сундабар, что на востоке, и должна была вернуться через две недели.

Я не мог ждать, поэтому попрощался со стражниками, сказав им, что вернусь через десяток-другой дней, и отправился тем же путем, что пришел. Бренору придется что-то сделать.

Возвращение было для меня и волнующим, и мучительным. Встреча в Сильверимуне, столь отличная от того, что я привык ожидать, дала мне почти закружившую голову надежду, что неправды мира могут быть побеждены. В то же время я чувствовал, что фактически бросил Нойхайма, чувствовал, что мое желание следовать этикету и правилам было трусостью. Я должен был настоять, чтоб гоблин отправился со мной, должен был забрать Нойхайма прочь от его бед и затем попытаться мирно уладить ситуацию.

В своей жизни я совершал ошибки, и я знал, что тогда совершил одну из них. Я повернул назад к Пенгаллену вместо того, чтобы ехать прямо ко двору Бренора в Митрил Халле.

Я нашел Нойхайма висящим на перекладине принадлежащего Рико столба.

Есть события, что навечно застыли в моей памяти, чувства, источающие ауру живых и длящихся воспоминаний. Я помню ветер, дувший в этот ужасный миг. День, темный от низких облаков, был не по сезону теплым, но каждый порыв ветра жалил холодом — ветра, спустившегося с высоких гор и несущего дыхание глубоких снегов. Ветер дул мне в спину, развевая мои длинные белые волосы и тесно прижимая плащ к моей спине; я же сидел на своей лошади, беспомощно глядя на высокий столб.

Порывистый ветер медленно поворачивал окоченевшее и вздутое тело Нойхайма, и болт, на котором крепилась веревка, жалобно, протестуя, беспомощно скрипел.

Таким я буду видеть его вечно.

Я не успел даже спешиться, чтоб снять с веревки несчастного гоблина, когда Рико с несколькими крепкими спутниками — все были вооружены — вышел из дома навстречу мне — чтоб бросить мне вызов, подумал я. За ними шел безоружный Тармен, лицо его выражало безнадежность.

— Чертов гоблин пытался убить меня, — объяснил Рико, и на какое-то мгновение я поверил ему, боясь, что вынудил Нойхайма совершить роковую ошибку. Но когда Рико продолжил, заявляя, что гоблин напал на него среди белого дня, при дюжине свидетелей, я начал понимать, что все это была заготовленная заранее ложь. Свидетели были не более, чем его соучастниками в лживом сговоре.

— Нет причин расстраиваться, — продолжал Рико, и его самодовольная ухмылка давала ответ на все мои расспросы об убийстве. — Я убил много гоблинов, — быстро добавил он, его тон слегка изменился, — и, наверное, поделом.

Почему Рико прикрылся словом «наверное»? Я понял, что слышал эти самые слова, сказанные раньше, сказанные точно так же. Я слышал, как Нойхайм говорил их... значит, Рико тоже слышал! Страхи, которые гоблин высказал в ту ночь в сарае, внезапно оказались зловещим и правдивым пророчеством.

Я хотел взять свои сабли, соскочить с лошади, зарубить Рико и отогнать любого, кто встанет на защиту убийце.

Тармен взглянул на меня, ясно увидев мои намерения, и покачал головой, молчаливо

напомнив мне, что мое оружие здесь не сделает ничего — ничего хорошего и никому, включая и Нойхайма.

Рико все еще говорил, но я больше не слушал. К кому я мог обратиться за помощью? Я не мог ожидать, что Аластриэль или даже Бренор предпримут какие-либо действия против Рико. Для всех Нойхайм был просто-напросто гоблином, и даже если бы я хоть как-то мог доказать что-то иное, смог бы убедить Аластриэль или Бренора, что гоблин этот был мирным и что с ним обошлись несправедливо, они ничего не могли бы поделать. Мотив преступления был убедителен, и для Рико и жителей Пенгаллена Нойхайм, несмотря на все мои слова, оставался всего лишь гоблином. Ни один справедливый суд в этом регионе, где столь обычны кровавые схватки с гоблинами, где почти каждый потерял родича по вине этих существ, не осудит этих людей из-за казни Нойхайма — казни монстра.

Я помог свершиться преступлению. Я вновь пленил Нойхайма и вернул его во владение Рико — даже когда почувствовал, что что-то не так. И затем я вновь вмешался в жизнь гоблина, внушил ему опасные мысли.

Рико все еще говорил, когда я соскользнул с одолженной лошади, перебросил Тулмарил через плечо и ушел по дороге в Митрил Халл.

* * *

Закат. Еще один день уступает место ночи. Я сижу здесь, на склоне горы неподалеку от Митрил Халла.

Началось таинство ночи, но знает ли теперь Нойхайм истину большего, великого таинства? Я часто задумываюсь о тех, кто ушел до меня, кому открылось то, чего я не открою до тех пор, пока не умру сам. Лучше ли Нойхайму сейчас, чем в рабстве у Рико?

Если загробная жизнь справедлива, то, несомненно, лучше.

Я должен верить, что это так, но все же мне до сих пор больно знать, что я сыграл свою роль в гибели необычного гоблина, и в том, что пленил его, и в том, что пришел к нему позже — пришел с надеждами, которые он не мог себе позволить. Я не могу забыть, что покинул Нойхайма, сколь хороши бы не были мои намерения. Я уехал в Сильверимун и оставил его беззащитным, оставил в незаслуженных мучениях.

Я получил урок от своей ошибки.

Больше никогда я не оставлю подобной несправедливости. Если я снова повстречаю того, кто подобен Нойхайму духом и находится в той же опасности, пусть устрасится его злобный повелитель. Пусть блюдущие закон силы рассмотрят мои действия и оправдают меня, если посчитают их правильными. Если же нет...

Это не имеет значения. Я буду следовать голосу сердца.